

А.С. Арсеньев

2. ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ. О ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ С.Л. РУБИНШТЕЙНА (Философский очерк)¹

Статья продолжает полемику с учениками С.Л. Рубинштейна, начатую с момента прочтения автором (1974 г.) работы С.Л. Рубинштейна «Человек и мир». Автора интересует прежде всего судьба С.Л. Рубинштейна – судьба человека, пережившего тотальное преобразование своего сознания, понимания и восприятия мира именно в том направлении, в каком автор статьи видит единственно возможный путь развития психологии, – в ее возвращении из плена погони за научностью, заведшей ее в безвыходный тупик, к ее собственным философским основам. Полное равнодушие психологов, включая тех, кто считал себя учениками Сергея Леонидовича, вызвало у автора горячее желание защитить его память, в том числе и от «учеников». Этому посвящена данная статья. Не имея в течение десятков лет «обратной связи», автор сделал данную статью достаточно острой, чтобы невозможно было отмолчаться, как все предыдущие годы. Попутно, используя схемы, образы, примеры, стихи, автор пытается прояснить некоторые имеющие отношение к делу философские смыслы.

Ключевые слова: творческая судьба, актуальная и потенциальная бесконечность, новоевропейская цивилизация, глобальный кризис неолита, вещно-отчужденный индивид, нравственность, сознание, отношение «Субъект–Объект», постнеолитическая философия.

Не может быть философии о чужих идеях, о мире идей как предмете, как объекте, философия может быть лишь о своих идеях, о духе, о человеке в себе и из себя, т.е. интеллектуальным выражением судьбы философа.

Н.А. Бердяев

Введение

Прошло 10 лет со времени написания заказанной мне статьи («Размышления о работе С.Л. Рубинштейна «Человек и мир»») о творческой судьбе

С.Л. Рубинштейна, предназначавшейся для посвященного ему юбилейного сборника. Будучи не принята к печати, она разошлась в ксерокопиях и лишь через шесть лет была опубликована в журнале «Вопросы философии» [5]. Назвав последнюю часть этой статьи – «Профетическая», а последний ее раздел – «Судьба», я взял на себя обязанность защиты памяти С.Л. Рубинштейна и его идей.

¹ Статья впервые опубликована в журнале «Вопросы философии» (1998, № 11) и одновременно – в журнале «Развитие личности» (1998, № 3–4). Для данного издания текст статьи заново отредактирован автором, уточнены и скорректированы ссылки на источники.

Прошло уже 24 года* со времени публикации работы «Человек и мир». Понимание этой работы как переломного пункта в судьбе автора и его идей мне кажется исключительно важным для психологии и философии нынешней кризисной эпохи, и потому целесообразно вернуться к этой теме и подвести некоторые итоги ее осмысления психологами и философами. Для пояснения этого утверждения пришлось хоть и схематично затронуть ряд общих философских проблем, вследствие чего текст приобрел характер философского очерка. Жанр очерка позволяет высказаться «вольнее», чем жанр статьи, что мне кажется более подходящим для выполнения поставленной задачи.

1. Судьба как поглощенность наличным бытием «здесь и теперь», или «судьба-злодейка»

Статья 1987 года заканчивалась выражением надежды, что, прочитав ее, хотя бы некоторые читатели задумаются над необычностью работы С.Л. Рубинштейна и судьбы ее автора. Этой надежде пока не суждено было сбыться. Возможно, с некоторыми читателями это и произошло, но не с профессиональными философами и психологами. За истекшие десять лет никто из философов или психологов ни в какой форме по поводу представленного в статье понимания судьбы Рубинштейна не высказался, а для психологов, считающих себя его учениками, это понимание, похоже, просто не существует.

* Данная статья была написана А.С. Арсеньевым в 1997 г., т.е. через 24 года после первой публикации в 1973 г. книги С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» (ред.).

Многие психологи и философы искренне удивлялись моему возникшему после публикации в 1973 году работы Рубинштейна «Человек и мир» интересу к творческой судьбе Сергея Леонидовича, спрашивая, что я нашел в этом «давно устаревшем по своим взглядам Рубинштейне». Это отношение к Рубинштейну прекрасно выражено В.М. Розиным в полемике с А.В. Брушлинским: «Вы постоянно спрашиваете, почему, собственно, не идет полемика со школой Рубинштейна? Думаю, потому, что тип сознания и мышления, который провозглашал Рубинштейн, сегодня в значительной степени является архаическим. Мы уже так не рассуждаем. И хотя вроде бы ничего неправильного в этой концепции нет и со многим можно соглашаться, но сам способ мышления является архаичным. Архаизм заключается в марксоидности, в некоей “особой диалектике”, в особой категориальной сетке. Не потому не полемизируют с этими идеями, что не хотят этого делать, а потому что психология далеко продвинулась вперед» [16, с. 16].

Что касается «марксоидности», то следует заметить, что К. Маркс остается крупнейшим мыслителем, многие идеи которого сохраняют свое значение для понимания существования человека в ситуации современного глобального кризиса. Н.А. Бердяев, уйдя от Маркса, тем не менее говорил, что продолжает «очень ценить Маркса»; Б.П. Вышеславцеву Маркс очень не нравился, и он объяснял почему; А.И. Герцен называл марксистов «марксидами», но никто из них не позволял себе пренебрежительно «отмахнуться» от Маркса.

С.Л. Рубинштейн в прошедший период своей деятельности не был «марксоиден», он был «марксичен», как «марксичны» были в конце прошлого века С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев и ряд других крупных русских философов. «Марксоидны» же те, кто не понимали Маркса, превознося его, и также не понимают его ныне, пренебрежительно хуля. Ситуация, поистине как в «Записных книжках» И. Ильфа: «Ругают Жарова. Сто лет хвалили, теперь сто лет будут ругать. Трудно жить в стране непуганых идиотов».

Об «особой диалектике» в данном случае следует сказать, что она, в частности, позволяет понять выход из кризиса в любом органическом развитии как смену фазы, связанную с переходом к новому, более глубокому основанию, по отношению к которому старое основание выступает как частный случай, сторона или вырожденная форма. Этот шаг выглядит эмпирически всегда «архаичным», т.к. требует возврата в прошлое — к основанию, историческое развитие которого привело к кризису, критического разложения этого основания, ведущего в свою очередь к еще более «архаичному» погружению в «основание основания», и усмотрения в этом последнем содержания, могущего войти в искомое будущее основание. Кризис не может быть преодолен «прогрессом» — усовершенствованием того, что было развито на старом основании, ибо акме этого развития позади, и его продолжение ведет к углублению кризиса. Так, например, никакие формы неodarвинизма или неофрейдизма не могут устранить основных тупиков и ограниченностей дарвинизма и фрей-

дизма, т.к. причины их заложены в исходных основаниях того и другого.

Попытаюсь пояснить это с помощью весьма ограниченной, зато наглядной аналогии: представим себе западную цивилизацию как движение по ветви дерева истории, которое в нашу эпоху подходит к концу ветви. Всякий «прогресс», в этом случае, всякое движение вперед углубляет кризис и приближает конец, каков бы он ни был. В этом случае единственная возможность дальнейшего развития состоит в «возвращении к стволу», то есть к началу ветви, критическом преодолении этого начала (что соответствует движению по «стволу») и формировании нового Начала. Поэтому Н.А. Бердяев, усматривая причины современного духовного кризиса в основании новейшей европейской цивилизации, должен был уйти глубже ее начала — в европейское средневековье — и представить будущее как «новое средневековье»: «К слишком временному и тленному в прошлом нельзя вернуться, но можно вернуться к вечному в прошлом» [10, с. 412].

По моему представлению, в основании современного глобального кризиса лежит отношение «Субъект—Объект», и, чтобы выйти за его пределы, пришлось обратиться к эпохе палеолита как фазе, противоположной ныне заканчивающейся и распадающейся в глобальном кризисе фазе неолита, — к бесконечному отношению «Человек—Мир» [4]. Понимание будущего всегда связано с основаниями, заложенными в прошлом. Поэтому и «отходная», которую полтора столетия назад К. Маркс прочитал капитализму, становится особенно актуальной именно в наши дни.

А наукообразная психология, кризис которой был отмечен еще Л.С. Выготским, не «продвинулась далеко вперед», а продолжает влезать еще глубже в кризис, и это происходит в частности и потому, что «прогрессисты», верующие в линейный прогресс цивилизации, в том числе науки, щеголяя новизной и модными «логиями», «измами» и «парадигмами», демонстрируют пренебрежение к крупным мыслителям прошлого.

По-видимому, равнодушие к «школе Рубинштейна» связано с непониманием его учениками, а равно и их противниками, радикального изменения, произошедшего в его судьбе как мыслителя, его выхода к новому основанию психологии (и философии), намечающему один из возможных путей преодоления кризиса. Оно — это непонимание — связано с наличным «здесь и теперь» бытием вещно-отчужденного сознания современного психолога [3].

Таким образом, в наличном бытии сегодняшнего дня и личная судьба С.Л. Рубинштейна, и судьба его внутреннего переворота, глубоко эмоционально им пережитого и воспринятого как освобождение и путь возможного выхода из кризиса, обернулась полным непониманием окружающих его людей, почему и заслуживает названия «судьбы-злодейки».

2. Судьба как выход через «здесь и теперь» в актуальную и потенциальную бесконечность

Вещно-отчужденный индивид способен воспринимать «здесь и теперь» лишь как безразмерную точку, в которой прошлого уже нет, а будущего еще

нет, а есть только момент наличного бытия конечных вещей (К. Маркс называл это «вещным ограничением индивида»). Это ограничение связано также с так называемым «деятельностным подходом» к человеку в психологии, характерным, кстати, не только для психологии, но и для новоевропейской цивилизации в целом (и «подходом» не только к Человеку, но и к Миру), — одним из факторов, приведшим ее к современному глобальному кризису. Его основание лежит в вырождении отношения «Человек—Мир» в отношении «Субъект—Объект».

Но «здесь и теперь» может стать и точкой «пробуждения» личностного Я, его выхода за пределы наличной действительности и субъект-объектного отношения в область непосредственного восприятия себя и Мира как родственных друг другу бесконечных целых. Это происходит с большинством людей, без этого не может быть *никакого* личностного развития. Но в большинстве случаев это лишь преходящие моменты религиозного экстаза, мистического опыта, эстетического восприятия, «космического сознания» (по Р. Бекку), вспышки озарения и т.п. Г. Гурджиев вообще считал, что человек всю жизнь «спит», в редкие моменты «просыпаясь» к острому непосредственному восприятию своего бытия в Мире как в бесконечном Целом. Формы такого выхода за пределы наличного конечно-го бытия бесконечно разнообразны. Но в подавляющем большинстве случаев они редки и кратковременны, и индивид остается укорененным в своем наличном бытии (вернее сказать — быте), оно для него — «точка отсчета» его жиз-

ни. И только у некоторых происходит «перенос» «точки отсчета» в область, связанную с актуальной бесконечностью, и тогда меняется на противоположную вся иерархия внутренних ценностей, меняется основание видения и понимания Мира. Сам этот «перенос» бесконечно разнообразен: от постепенного расширения и освобождения сознания до мгновенного превращения Савла в Павла. Насколько этот «перенос» проявится во внешнем плане жизни индивида, в его судьбе, зависит от многих обстоятельств, и прежде всего от степени реализации в нем личности и от условий его жизни, но в любом случае вся его психика, его внутренняя самооценка и оценка всего происходящего коренным образом изменяются. Человек же «пробудившийся», для которого «здесь и теперь» стало точкой выхода за пределы наличного бытия во *вневременную область актуальной бесконечности*, перестает воспринимать себя как щепку в водовороте обстоятельств или как сырье и удобрение для «построения светлого будущего», т.к. находится в положении венаходимости по отношению ко всем конечным обстоятельствам наличного бытия (как и к конечным его целям). Они перестают быть определяющими его жизнь, становятся второстепенными, маргинальными, определяемыми.

Вот именно такой переворот и произошёл с Рубинштейном. Попытке показать это и была посвящена моя статья о его работе «Человек и мир». Пример Рубинштейна кажется мне настолько важным, в частности для понимания личности в психологии и возможного пути выхода психологии (и не только

психологии) из кризиса, что я считаю необходимым, спустя десять лет, снова вернуться к этой теме. Кроме того, меня побуждает к этому и долг перед памятью С.Л. Рубинштейна.

Возвращаясь к работе «Человек и мир», снова хочу повторить, что в ней Рубинштейн выходит за пределы субъект-объектного отношения, и перед ним открывается *бесконечность* и возможность понимания человека как *парадоксального бесконечно-конечного* существа, как личности, чего не хватает «научной» психологии. Эта бесконечность, всеобщность, эквивалентность в этом отношении Человека и Мира Рубинштейном многократно подчеркивается с разных сторон с употреблением образов, сравнений, метафор и эмоционально насыщенного языка. Видимо, именно таким и должен быть язык новой философии, для того чтобы преодолеть то, что я назвал «вербальным псевдопониманием», когда формально правильная языковая и логическая конструкция вызывает иллюзию понимания смысла. В действительности же это понимание подменяется здесь манипуляцией словами, понятиями и объяснениями: «Объяснить могу, понять не могу».

Философский смысл в силу его бесконечной всеобщности не покрывается не только рациональными конструкциями, но и чистой вербальностью как таковой. Поэтому при чтении лекций по философии приходится прибегать к символам, рисункам, аналогиям, художественным образам, чтобы дать возможность слушателям не только понять, но и эмоционально пережить бесконечное смысловое содержание

философии. Также и Рубинштейну нужен был именно такой язык, чтобы донести до читателей бесконечность смыслов той новой области бытия, в которой он оказался. Но это не значит, что он его намеренно создавал только «для внешнего употребления», это происходило совершенно спонтанно, он сам был эмоционально захвачен тем, что ему открывалось. Он не только понял, он *увидел и почувствовал*, что эта бесконечность *непосредственно* связана с психическими состояниями человека, его личностным развитием и, следовательно, не может не быть предметом психологии. Он писал, что рефлексия «как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни (*прерывает время* — А.А.), выводит человека мысленно за его пределы (*через точку «здесь и теперь» во вневременную область актуальной бесконечности* — А.А.). Человек как бы занимает позицию вне ее (*позицию «вненаходимости»* — А.А.). Это решающий, поворотный момент. С этого момента каждый поступок человека приобретает характер философского суждения о жизни, связанного с ним общего отношения к жизни» [17, с. 348]. Здесь важно подчеркнуть *непосредственность и осознанность* связи в личности психического и философского смыслов и отношений. (Это замечание — специально для «научных» психологов, чужающихся философии.) А вообще говоря, «каждое частное явление погружено в стихию *первоначал бытия*» [7, с. 361]. Выйдя в область непосредственной связи Человека, его психики с бесконечностью Мира, Рубинштейн открыл одну из дверей, могущих послужить путем выхода пси-

хологии из кризиса, но, к сожалению, успел сделать на открывшемся пути лишь первые возможные шаги.

И для нашей (и всей «научной») психологии этот выход является не «прогрессом» — развитием того, что есть, но изменением бесконечным, т.к. шаг от конечно-определенного к бесконечному всегда бесконечен: это переход бездонной пропасти, которая не может быть преодолена по частям, но лишь как обретение *сразу* нового Целого, отрицающего (снимающего, превращающего в «свое другое») старое основание со всем его строем смыслов, теоретическими и логическими ходами.

В описании Рубинштейном мудрости хочется сейчас подчеркнуть два слова: «...это нечто, бесконечно превосходящее всякую ученость, хотя бы и располагающую большим запасом специальных знаний, это драгоценное и редкое свойство — мудрость» [20, с. 641, подчеркнуто мною — А.А.]. Это написано в «Основах общей психологии», а в «Человеке и мире» он сам сделал шаг из учености в мудрость, то есть стал философом в первоначальном и непосредственном смысле этого слова. **И это главный момент в его личной судьбе.**

Он всегда знал о существовании этой сферы за пределами учености. Она жила в нем как «свое другое» уже во время его занятий философией с Германом Когеном, и высказывания, свидетельствующие об этом, подобные вышеприведенному, проскальзывают в его работах.

А вот начало статьи, предположительно 1917–1918 гг., посвященной Сергеем Леонидовичем Г. Когену как своему учителю: «Бывают мыслители —

великие созерцатели. Пренебрегают традициями исторического прошлого и мнениями философских школ, живут в разреженной и напряженной атмосфере собственных исканий и прозрений. Натуры абсолютные, они во всем начинают с начала, все свое черпают из своего собственного источника. Другие, проникнутые сознанием значительности исторического прошлого, исполненные пиетета к тому, что стало культурной традицией, первым своим движением стремятся включить себя в контекст какого-либо значительного исторического течения. Из него черпают они основные мотивы, над которыми далее работает их мысль. Коген принадлежит к числу этих последних» [18, с. 230–231]. (Наше время, к сожалению, наводнено «мыслителями», не принадлежащими ни к числу первых, ни к числу последних. К ним могут быть отнесены слова А.С. Пушкина: «Глупость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим».) Критически излагая позицию Г. Когена, С.Л. Рубинштейн сохраняет при этом глубокое уважение к нему как к учителю и восхищается его личными качествами. Да и у Когена, как мы увидим, было нечто, чему стоило поучиться.

3. Превратности судьбы и фазы развития

В 1920-х гг. Рубинштейн уходит из философии в область научной психологии. Возможно, в этом сыграла определенную роль его учеба у Г. Когена, считавшего, что в основе философии должны лежать принципы именно научного мышления.

В 1940-х гг. начинается возврат Рубинштейна в философию. Теперь с ее позиций он пытается осмыслить психологию. Некоторое время он работает как мыслитель второго из отмеченных им типов в русле философии К. Маркса. В «Человеке и мире» — «вырывается на свободу», становится мыслителем первого типа.

Знакомство с публикацией статьи о Г. Когене укрепило возникшее уже во время первого чтения мое понимание работы «Человек и мир» как внутреннего переворота, произошедшего с автором, и, т.к. с другими его работами я в то время еще не был знаком, мне не с чем было ее сравнивать. (Интерес к его работам пробудило впечатление от чтения «Человека и мира» в 1974 году. Упомянутое в статье 1987 года знакомство с Рубинштейном в 1950-х гг. ограничивалось встречами с ним лишь как с сотрудником Института философии АН СССР, где работал и я.) Оно — это понимание — охватило меня как соперение радостно-оптимистическому настрою человека, обретшего долгожданную истину, делающую его свободным. Я сразу узнал этот настрой, т.к. сам пережил нечто подобное (что коротко описано в упомянутой статье о «Человеке и мире»). После этого переживания (1964–1968 гг.) я все более стал оценивать (может быть, не совсем справедливо и слишком субъективно) мыслителей, поэтов, музыкантов с точки зрения их «вхожести» в область актуальной бесконечности. Критерием было ощущение рационально трудно передаваемого и объяснимого «дыхания бесконечности» (интересно, что впоследствии это же самое выра-

жение — «дыхание бесконечности» — я нашел у В.В. Зеньковского). Некоторые из них — каждый по-своему, неповторимо — пережили внутренний переворот, вводящий в эту область, чаще в зрелом или пожилом возрасте, подводя итоги жизненного пути: как правило, «сова Минервы вылетает в сумерки» — если вообще вылетает, в наше время это большая редкость, — и это справедливо не только для филогенеза личности, но и для ее онтогенеза.

Р. Штейнера однажды спросили, почему в наше время молодежь не уважает старших, и он ответил (цитирую по памяти): «А за что нас уважать? Мы не умеем стариться. Старость — возраст мудрости. А в наше время мы с возрастом не мудреем, а лишь дряхлеем телесно и умственно». (Интересно сопоставить этот ответ Штейнера с описанием известным психологом, и для многих образцом научности в психологии, Э. Эриксоном последней — восьмой в его классификации — стадии человеческой жизни, прочитав которое, хочется удивиться на седьмой. И ничего удивительного: это вещно-отчужденный индивид — «частичный человек» — описывает жизнь такого же отчужденного частичного индивида, наивно полагая, что он описывает человека как такового, целостную личность).

Некоторые же, особенно «везучие счастливицы», выходили в эту область актуальной бесконечности уже в молодости, например, А.С. Пушкин. Читая его стихотворение «Погасло дневное светило», чувствуешь это «дыхание бесконечности», он смотрит на мир конечного наличного бытия как мудрец из того «здесь и теперь», которое опре-

деляется положением вневременности в области актуальной бесконечности. Отсюда ощущение глубокого катарсиса. А ему в это время было всего 20 лет. Также мудростью, а не возрастом выделялись православные «старцы». В той же сфере оказывались и многие ученые-творцы, например, А. Эйнштейн, М. Борн, В. Вернадский, В. Паули, В. Гейзенберг, Д. Блохинцев и др.

Специально для психологов, стремящихся возможно более «онаучить» психологию, привожу одно из множества характерных высказываний, принадлежащее крупнейшему современному физическому Максиму Борну (1982–1970): «Мы должны также заботиться о том, чтобы научное абстрактное мышление не распространялось на другие области, в которых оно не приложимо. Человеческие и этические ценности не могут целиком основываться на научном мышлении. Таким образом, совершая экскурс в философию, я намеревался не только осветить основы науки, но и выступить с предостережением о разумном ограничении применения научных методов» [11, с. 128–129].

Видимо, благодаря тому, что мне пришлось пережить что-то похожее на переворот, испытанный Рубинштейном, и я интересовался подобными случаями, произошедшее с ним предстало передо мной сразу в своей несомненной истинности. Под перипетиями и превратностями его судьбы я видел глубокие, эмпирически трудно и лишь при определенном настроении сознания обнаруживаемые тенденции развития, связанные с разворотом сторон диалектического противоречия во времени и образующие во всяком

органическом развитии иерархически связанные комплексы, отмечаемые так или иначе многими мыслителями, состоящие из переходящих в свою противоположность фаз, односторонне и жестко зафиксированные Г. Гегелем как триады, образуемые «отрицанием отрицания». Интерференция этих фаз различной глубины и длительности, включающая ответственные за детерминацию будущим «прорывы» в план эмпирического бытия энергий, образов и форм из сверхэмпирической области метаэволюции, связанной с актуальной бесконечностью, создают то, что принято называть развитием.

Публикация О.Н. Бредихиной укрепила ранее возникшее представление о жизни и судьбе С.Л. Рубинштейна как смене таких тенденций или фаз, которую проходили и описывали многие известные люди. О некоторых из них я уже говорил выше. Здесь хотелось бы лишь еще раз упомянуть о большинстве русских религиозных философов, прошедших через К. Маркса и в первые годы нашего века вернувшихся на религиозные позиции. Но это были уже позиции, по своей глубине настолько отличающиеся от ортодоксии исторической православной церкви, что церковь не приняла их, и Н.А. Бердяев впоследствии заметил, что, по-видимому, церковники забыли известную евангельскую притчу о блудном сыне и что переживший опыт богоотступничества и вернувшийся к вере верит несравненно глубже и основательнее, чем такого опыта не переживший.

В докладе на коллоквиуме по работам М.М. Бахтина, Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна, проходившем

22–24 мая 1995 г. в г. Москве (в дальнейших ссылках – «Доклад»**), я попытался это пояснить: «Я имею здесь в виду фазы любого органического развития, разворот сторон диалектического противоречия во времени, связанный с переходом в противоположность и погружением в более глубокое основание. Они отмечались многими мыслителями, получая иногда специальные названия (например, у Г. Гегеля – “тезис-антитезис-синтез”, у А. Тойнби – “Уход-и-Возврат” и т.п.)». При этом «синтез» или «возврат» никогда не является простым повторением первой ступени, но всегда несет в себе радикально новое, еще не бывшее. Не всегда он связан с «укоренением» в области бесконечного, это удел лишь некоторых. Чаще состояние «безмерности» проходит лишь как момент перехода к новому, конечному же, основанию, но всегда это основание связано с углублением и расширением понимания и смысла, таким, по отношению к которому старое выглядит как одностороннее, как частный случай.

И когда С.Л. Рубинштейн возвращается в философию, это уже не когеновская «научная» философия, а гораздо более глубокая. Сначала это философия К. Маркса (не марксизм-ленинизм советских учебников, который принимался советскими психологами за философию Маркса). Рубинштейн пытается добросовестно следовать ей, «испытывает» ее, а затем выходит не только за пределы и марк-

** Речь идет о докладе, текст которого в авторской редакции опубликован в настоящем номере журнала «Методология и история психологии», с. 109–114 (Ред.).

сизма, и Когена, но и за пределы отношения «Субъект–Объект» (господство рыночной экономики — последний этап разложения этого отношения — вещное отчуждение человека, его обезчеловечивание), за пределы материализма и идеализма со всем, что может быть построено на том и другом, как на философских основаниях. При этом и Коген, и марксизм не отброшены, но преодолены, превзойдены, сняты (*aufheben*) с сохранением на новом (бесконечном) основании — отношении «Человек–Мир» — того, что принадлежит не только Когену и Марксу, но остается сегодня и останется впрямь: размышлений, ориентированных на бесконечность и основанных на оптимистическом представлении о будущем. Вот как С.Л. Рубинштейн пишет об этой черте характера и мировоззрения Г. Когена: «Этот оптимизм был психологическим выражением центрирования всего его мировоззрения в будущем».

Концепция *нравственности* как *бесконечной* задачи, т.е. как задачи *бесконечного будущего* — будущего, которое *всегда* остается будущим, и перенесение в это будущее нравственного совершенства было самым ярким выражением центрирования его мировоззрения» [18, с. 257] (выделено мною — А.А.)

Бесконечность и *будущее* должны быть, особенно в наше время, центральными темами философии (между прочим и психологии, если она действительно хочет изучать Человека) — именно это я имел в виду, говоря выше, что у Когена было чему поучиться.

Если учесть, что вообще сущность человека предстоит ему, как его соб-

ственное бесконечное будущее, и что в эту бесконечность выходит, конвергируя с теми, кто уже находится там, С.Л. Рубинштейн, становится понятным эмоционально напряженный оптимистический пафос работы «Человек и мир», связанный с чувством приобщения к этой бесконечности, а также и решительное отречение Рубинштейна от своей предыдущей фазы жизни, ее «снятие», поскольку без этого отречения невозможно освобождение, необходимое для утверждения радикально нового Начала. При этом, как говорилось в «Докладе», «он не покидает психологию, но пытается выяснить ее философские основания (это соответствует гегелевской ступени “синтеза”), что заставляет осмыслить весь свой путь в психологии, подвести ему итог. Таким итогом должна, по замыслу, явиться книга “Бытие и сознание”. Но, написав ее, он понимает, что это тупик, и переживает радикальный переворот, выводящий его за рамки не только когеновской и марксовской точек зрения, но и вообще за пределы “идушей от Декарта точки зрения”, за пределы субъект-объектного отношения, приведшего к тупику классическую новоевропейскую философию. Этот переворот связан с погружением в бесконечность отношения “Человек–Мир”, “снимающим” противоположность субъекта и объекта, материализма и идеализма, а также разделенность философии и психологии».

Исторически это “возврат” в синкретическое состояние, где располосование с последующей тупиковой специализацией полюсов (в данном случае — философии и психологии) еще не

произошло, а также “выход в будущее”, где это располосование снято в новом целостном основании. Логически это гегелевский “синтез”, связанный с погружением в более глубокое основание (в данном случае — “Человек—Мир”), по отношению к которому предшествующее (“Субъект—Объект”) вместе со всем строем порожденных им понятий и категорий становится последующим, частным, предельным, обнаруживающим свою тупиковость случаем.

Следует отметить, что схематично здесь изложенный «фазовый» характер развития свойствен не только онтогенезу, но и филогенезу любого, в том числе личностного, развития, причем между онто- и филогенезом могут возникать сложные, в том числе и резонансные отношения [6].

Таким образом, судьба С.Л. Рубинштейна, при всей ее личной уникальности и неповторимости и всех ее превратностях, одновременно оказывается закономерной, и многие «везучие счастливицы» каждый по-своему пережили подобные фазы и перевороты и, к счастью для нас, оставили их многочисленные описания, на смысловое содержание, эмоциональный тон и язык которых столь похожа работа «Человек и мир».

Итак, в области бесконечного отношения «Человек—Мир», в которую вышел С.Л. Рубинштейн, он не одинок. Эта область представляется настолько важной для понимания настоящего и возможных предположений о будущем, что я хочу дать читателю самое общее представление о ней с помощью найденного когда-то при чтении лекций наглядного геометрического образа

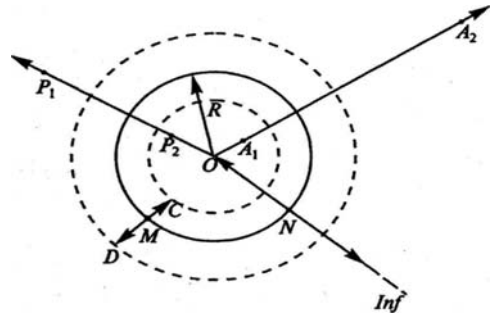

Рис. 1. Представление отношения «Человек—Мир» с помощью инверсии относительно круга на плоскости

«инверсии относительно круга на плоскости», о котором я упомянул в статье 1987 года [5, с. 143]. Этот «мыслепобраз» оказался очень подходящим для наглядного представления целого ряда основополагающих для меня философских идей (рис. 1). Благодаря наглядности он также помогал в лекциях и текстах донести до слушателя или читателя некоторые глубокие смыслы, требующие для чисто вербального описания гораздо больше времени и места.

Напомню: для каждой точки внутри круга находится единственная, соответствующая ей точка бесконечной плоскости вне круга и наоборот. $OP_2 = R^2 : OP_1$, где O — центр круга, R — его радиус, P_1 — данная точка, P_2 — соответствующая ей, парная (в некотором смысле сопричастная ей, отождествляемая с ней) точка.

Примеры:

$$OP_1 = 2R; OP_2 = R^2 : OP_1 = 1/2R.$$

$$OA_1 = 1/3R; OA_2 = R^2 : OA_1 = 3R.$$

Точки пары совпадают на окружности. Когда одна из них приближается к центру — O , другая уходит в бесконечность — Inf .

Теперь представим, что круг — Человек, плоскость вне круга — Мир. Стрелка *MD* — познание с помощью внешних органов чувств. Стрелка *MC* — соответствующие ему представления и теории.

«Кольцо» между штриховыми окружностями — область господства отношения «Субъект—Объект», расширяющаяся, но в любой момент времени остающаяся *конечной*. Свое наиболее характерное воплощение она находит в западной цивилизации со всеми ее достижениями, включая новоевропейский рационализм и науку (в том числе, например, научную космологию с ее принципиально бесплодными попытками, закладывая в основание своих теорий конечные параметры, решить вопрос о конечности или бесконечности вселенной, или «научную» психологию со столь же бесплодными претензиями на знание о Человеке как целостной личности. Можно упомянуть и современную биологию, которая, научившись расшифровывать генетический код и встраивать гены в ДНК, полагает, что она приближается к пониманию жизни, хотя в действительности она имеет дело не с жизнью, а с шаблонами и структурами, которые создает жизнь для своей реализации в конечно-определенных формах).

В статье 1987 года образ, связанный с инверсией, был назван моделью. Здесь я хочу сказать, что это ни в коем случае не модель, не теория, не система и т.п. Это только намек, наглядный пространственный образ, помогающий представить и почувствовать глубоко лежащие внепространственные, внев-

ременные, скорее качественные, чем количественные отношения.

Количественные же отношения сменяющих друг друга конечно-определенных форм господствуют внутри пунктирного «кольца». Если там возможна бесконечность, то лишь количественная, «дурная», по выражению Г. Гегеля. Используя термин Р. Генона, «кольцо» можно назвать «царством количества».

Постепенно исчезает «цветущая сложность» (К. Леонтьев) — качественное разнообразие форм, энергетически обеспечивающее жизнь органических систем, — государств, культур, социальных групп и т.д., а также личностную уникальность индивидов. На сцену выходит индивид, которого Х. Ортега-и-Гассет называет «человек массы».

Можно также добавить: «кольцо» не только «царство количества» («больше — значит лучше»), оно также «царство времени», «прогресса» («быстрее — значит лучше»).

«Кольцо» — «пространство разделения» — общественного и профессионального разделения труда (со всеми его последствиями, включая и существование профессиональной философии), усложнения и измельчения, в том числе человека и его души, когда мелкие, низменные, в конце концов вещные интересы, мысли и действия поглощают постепенно всего индивида, вытесняя и превращая в «свое дружное» формирующее Человека как личность непосредственное и целостное отношение к Миру.

В «кольце» господствует анализ. Чтобы объяснить нечто, нужно его изолировать, разложить на части, из

коих заново его сконструировать с помощью демонстративной логики и законов науки. Сконструировать *органическое* живое целое из полученных в результате анализа частей невозможно: «Ее (жизни — А.А.) принцип, ее идея есть победа и преодоление законов в совершенно новом качественном произрастании — в организме, индивидуальности, душевной жизни (жизни именно, а не логических операциях)» [15, с. 91]. Анализ умерщвляет. Так наука поступает со всем живым, в частности, психоанализ — с человеком.

Оно также — область «превращенных форм» и «подмен». Здесь эмпирическое Я индивида господствует над интеллигибельным, бесконечным Я личности. Развитие Человека идет в форме «общественного субъекта» за счет обеднения, «дегуманизации» индивидов, их унификации, превращения в социальных функционеров, в «людей массы» Х. Ортеги-и-Гассета.

В «кольце» этическое сознание «располюсовано», и его конечная форма — мораль — господствует над бесконечными принципами нравственности, и это становится одной из *главных проблем развития личности*. Кстати, ницшеанское «человеческое, слишком человеческое!» — тоже вопль человека, почувствовавшего нестерпимые для себя «узы кольца». Правда, здесь хотелось бы сказать: «слишком нечеловеческое», т.к. «человеку, чтобы быть самим собой, надо быть бесконечно больше себя», а потому человеку как *личности* и не нужен ницшеанский сверхчеловек. Поэтому же личность, как бесконечно-конечная, выходящая за пределы «кольца», в принципе, не

может быть предметом «окольцованной» «научной» психологии.

И, может быть, **самое главное — в «кольце» развивается тотальное отчуждение Человека от Мира и от себя самого**. О степени отчуждения можно судить хотя бы по утверждению в новоевропейском Просвещении идеи, что древний человек создал религию из своего страха и бессилия перед явлениями природы. Тотальности это отчуждение достигает в форме господства в западной цивилизации вещиности — рабства человека у вещей, когда рыночная экономика становится основанием общественной и частной жизни.

«Кольцо» начинает формироваться со времени неолитической революции вместе с вытеснением отношения «Человек—Мир» отношением «Субъект—Объект», сулит человеку, как и впоследствии возникающие сначала магия, потом наука, господство над внешними человеку силами и энергиями природы и заканчивается в наше время господством рыночной экономики (Н.А. Бердяев называет этот процесс «объективацией», К. Маркс — «вещным ограничением индивида») и современным глобальным кризисом, выход из которого возможен только как выход из «кольца», из господства субъект-объектного отношения в непосредственное отношение «Человек—Мир». Этот выход будет началом фазы «постнеолита» — саморазвитием Человека на новом уровне (по сравнению с палеолитом) — вместо развития (в неолите) его «неорганического тела» — цивилизации.

Этот качественный переход не может быть осуществлен движением от

окружности ни по стрелке *MD* – «деятельностью» (в том числе научной), «прогрессом» – здесь возможна только экстраполяция количественных отношений «кольца» – «прогресс» к концу «ветви», ни по стрелке *MC* – образному и теоретическому отображению этой экстраполяции, но только вневременной и внепространственной рефлексией к Центру (в частности в форме созерцания), – *NO*, сопровождающейся трансцендированием за пределы «кольца» в область актуальной бесконечности – *Inf*.

Границы этого пунктирного «кольца» диффузные и «дырявые», позволяющие даже современному цивилизованному человеку, старающемуся «законопатить» все «дыры», в какой-то мере быть причастным актуальной бесконечности, благодаря чему он, хотя частичный и отчужденный, все же пока еще человек и даже иногда способен к творчеству, хотя, обладая интеллектом, замкнутым в «кольце», не может понять, как оно происходит: момент творчества, хотя бы и кратковременный, – всегда выход за пределы «кольца».

Те же сравнительно немногие, сознание которых уже «прописано», центрировано вне «кольца», по иерархии ценностей, интенциям и содержанию этого сознания коренным образом отличаются от ограниченных «кольцом» («прогрессистов» в том числе). Сознание этих немногих находится вне времени и пространства и потому, принадлежа разным эпохам и культурам, они все – современники. И при бесконечном индивидуальном разнообразии восприятия и описания ими Мира за пределами «кольца» совершенно по-

разительна конвергенция их основных интуиций, образов и идей. Независимо от своей профессии (философ, писатель, поэт, крестьянин, сапожник, проповедник и т.д.), они думают и говорят об одном и том же *бесконечном* содержании, различаясь по форме его выражения. Примеры такой конвергенции приводились в статье 1987 года. Специально приведу слова – не философа, не ученого, а современного писателя. Фазиль Искандер: «По-видимому, чтобы быть мудрым, надо думать много, но лениво. Только тот, кто думает, забывая о том, что он думает, может до чего-нибудь додуматься. Чтобы думать, надо выпадать из жизни (сравни, читатель, приведенную выше мысль Рубинштейна о «прерывании непрерывного процесса жизни» – А.А.). Дар философа – дар выпадения из жизни при сохранении памяти о ней.

Как только философ начинает изменять жизнь, он теряет возможность справедливого суждения о ней, потому что он становится частью потока этой жизни. И чем сильнее философ меняет течение жизни, войдя в ее поток, тем ошибочней его суждения о том, что делается в ней. И теперь шанс на справедливое суждение о жизни, которую изменяет и в которой барахтается наш философ, имеет только другой философ, который, сидя на берегу, наблюдает за тем, что происходит в потоке» [14, с. 13]. Отметим, что это – то же самое, что М.М. Бахтин назвал «вне-находимостью»: «Такую ориентацию, ориентацию на высоту, на реальность бесконечности, где только и возможно равенство людей, дает человеку религия» [14, с. 73].

Напомню очень важную мысль Рубинштейна, касающуюся выхода за пределы «кольца» через рефлексию к Центру: «...В форме непосредственно-го всегда заключаются не только результаты опосредствованного познания, но бесконечно выходящее за ее пределы (трансцендентное), данное не эксплицитно, а только имплицитно» [17, с. 320]. Сравним ее с бердяевским: «Трансцендентное приходит к человеку не извне, а изнутри, из глубины» [9, с. 279]. (Здесь уместно для психологов – сторонников «теории интериоризации» – напомнить слова Маркса о том, что «человек извлекает из себя свои родовые силы». Интериоризация – вторичный момент. Интериоризировать, в силу бесконечной пластичности человека, можно многое, даже, в определенной степени, культуру, но найти в культуре, например, основание личностного Я или источник нравственности нельзя.)

А вот еще у С.Л. Рубинштейна: «Любовь в ее “онтологическом” содержании – это процесс вычленения из сплетения зависимостей, целей и средств особого, *неповторимого* существа данного человека. Любовь есть выявление этого образа человека и утверждение его существования» [17, с. 369] и у Н.А. Бердяева: «Любовь определяет и опознает личность, все незаменимо индивидуальное, и утверждает на вечность, в этом ее смысл...» [8, с. 186].

Таких параллелей можно было бы привести множество. И не только с Бердяевым. Я ссылаюсь в данном очерке главным образом на Бердяева потому, что он близок мне по смыслу и эмоциональному тону своих высказываний.

Теперь хочется привлечь внимание читателя к «неразберихе», царящей в психологии с терминами «деятельность» и «субъект».

Когда в 1973 г. в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР создавалась лаборатория философских проблем психологии (в ней должны были работать Ф.Т. Михайлов, В.С. Библер и другие, в том числе и я), ее решено было назвать лабораторией теоретических проблем психологии деятельности. Я протестовал, считая, что само название заранее вводит односторонность и ограничение, препятствующее ее основному назначению, что, например, без введения полюса, противоположного деятельности, – созерцания – недоступна полнота, необходимая для понимания личности как бесконечного целого. В возникшей и продолжавшейся много лет дискуссии публикация «Человека и мира» стала одним из моих аргументов.

Между тем в процессе дискуссии мои оппоненты изменяли свои формулировки. Сначала это была «предметная деятельность». Когда указывалось, что всякая предметность ограничена, оставалась просто «деятельность». Затем «деятельность и общение», «общение как деятельность» и другие варианты вплоть до включения созерцания в деятельность, вследствие чего происходила потеря обоих понятий, поскольку и «созерцание», и «деятельность» определены только друг через друга как диалектические противоположности.

Похожим образом психологи «упражняются» и с другими понятиями, в частности с понятием «субъект»

и целым рядом производных от него: «субъектность», «субъектный», «субъективность» и т.п. Здесь царит необыкновенная путаница. Для пояснения вновь прибегну к наглядности, опять же предупреждая читателя не придавать приводимой схеме теоретического смысла, но принять ее за намек, помогающий включить интуитивное видение и понимание.

Господствующее внутри «кольца» в современной западной цивилизации отношение «Субъект—Объект» и ее «здоровый смысл» — представление о себе самой и о Человеке, господствующее в ее мышлении (в новоевропейском рационализме, в частности в науке), в своих лекциях я пытался представить приводимой ниже наглядной схемой (рис. 2), понимая всю ее абстрактность, но считая, что она определенным образом способна ориентировать в почти бесконечном богатстве и разнообразии новоевропейской жизни и культуры.

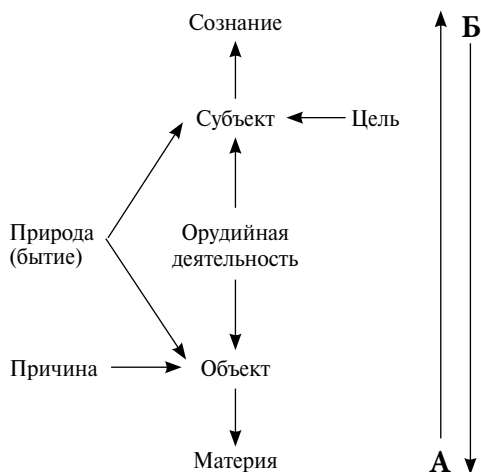

Рис. 2. Представление отношения «Субъект—Объект» в новоевропейском рационализме

Орудийная деятельность, связываемая новоевропейским рационализмом с возникновением Человека, расщепляет Природу (здесь я не отличаю ее от бытия) на субъект и объект. Слева — прошлое, справа — будущее. В процессе деятельности субъект детерминирован целью, объект — причиной. Философия, абстрагируя от субъекта все, что в нем есть объектного (телесность, зависимость от причины, инертность и т.п.), получает понятие «сознание». Подобная же процедура с объектом дает понятие «материя». Несовместимость логики цели с логикой причины вызывает тенденцию преодолеть разрыв, построив монистически детерминированную систему. Вариантов такого построения два: детерминация по стрелке А — материализм, по стрелке Б — идеализм. Ни один из них не был и не мог быть осуществлен, т.к. каждый из них был односторонне конечно ограничен.

Наука в своей основе материалистична, то есть мыслит и строит теории по стрелке А. Это многократно подчеркивает Рубинштейн, рассматривая равенство «бытие (природа) = материя», показывая его ограниченность и невозможность в его рамках понять человека. При этом отношение «материя — сознание» (см. вышеприведенную схему) редуцируется, принимая совершенно односторонний вид (представленный нижеприводимой схемой — рис. 3), по которому построены все научные теории, а также философия и психология, когда пытаются стать «научными». Научные гипотезы происхождения жизни и антропогенеза, как легко видеть, тоже построены в рамках этой одно-

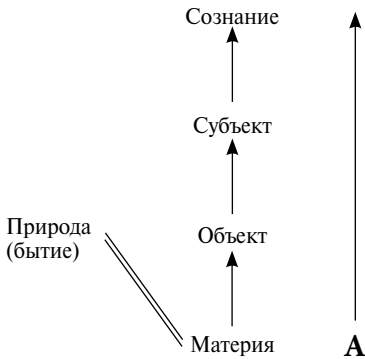

Рис. 3. Представление об отношении «Субъект–Объект» в современной науке

сторонней, ограниченной, как теперь принято говорить, парадигмы. При этом большая часть ученых полагают, что они мыслят свободно.

Из изложенного понимания диалектики как органической системы вытекает принципиальная невозможность перехода к диалектическому мышлению в науке путем включения и попыток использования отдельных категорий диалектики внутри современного научного мышления. Нужно совершить трансцензус в другую систему мышления, которая не может быть освоена по частям, но лишь принята как целое, разворачивающее и определяющее свои части. Как содержательный переход это предполагает изменение видения Мира, другую, более богатую и конкретную (и в определенном смысле противоположную современной научной) его картину, по отношению к которой представление о «физическом космосе», принятое в современном естествознании, есть ее «абстрактно-вещная» проекция [2].

Соответственно, и «научная психология» видит только внешние, ове-

ществленные проявления психики, опосредованные отношением субъекта к объекту. В связи с этим интересно отметить, что область явлений, где психические энергии проявляют свои действия непосредственно и эмпирически наглядно, где психика прямо и недвусмысленно заявляет о своем спонтанном существовании, не признается областью научной психологии. Ее обычно относят к области парапсихологии (пара – по латыни – около). По-видимому, было бы справедливо именно область «научной» психологии назвать парапсихологией (околопсихологией), а название психологии в собственном смысле слова распространить на явления, ныне относимые к парапсихологическим [2].

Взаимоопределение субъекта и объекта через деятельность (формы которой всегда конечны и которая без созерцания сама оказывается односторонней абстракцией) лежит под всем содержанием европейской культуры, составляя ее «тайну», не позволяя ей выйти за пределы «кольца». Забывая об этой взаимоопределенности, психологи и создают указанную путаницу, вплоть до попыток представить личностное общение через отношение «Субъект–Субъект». Но «Субъект», будучи в конечном счете определенным через «Объект», при элиминировании объекта обесмысливается сам.

Отношение «Субъект–Объект» можно рассматривать как вырожденную форму отношения «Человек–Мир». Соответственно, субъект – отчужденный от себя и Мира, частичный, вырожденный (в субъекта) Человек –

обитатель «кольца», ограниченный деятельностью отношением к объекту. Субъект не может созерцать Мир. Он может только разглядывать конечные объекты своей настоящей, будущей или воображаемой деятельности. Ни о какой реальной свободе и бесконечности, а следовательно, о личности и творчестве в рамках этих понятий не может быть и речи: «Смысл не в объекте, входящем в мысль, и не в субъекте, конструирующем свой мир, а в третьей, не объективной и не субъективной сфере, в духовном мире, духовной жизни, где все активность и духовная динамика. ... Бытие исчезает из субъекта и из объекта. Само противоположение субъекта и объекта уничтожает бытие» [9, с. 26].

К сожалению, за этими понятиями тянется в психологии вереница неопределенных значений. Конечно, при переходе к отношению «Человек—Мир» понятия «субъект» и «объект» остаются, как остается и отношение «Субъект—Объект». Оно остается и в реальном отношении Человека к Миру, и в языке, и т.д., но остается как вторичное, подчиненное, как одна из абстрактных сторон, так же как в этическом сознании личности мораль или закон по отношению к нравственности. В обыденной бытовой речи слово «субъект» употребляется в самых различных значениях, но когда эти значения переносятся на термин «субъект» как теоретическое понятие, возникает «теоретический хаос».

Ключевые понятия «кольца» выражаются в словах: «субъект», «объект», «деятельность», «научный», «теоретический», «полезный», «практический».

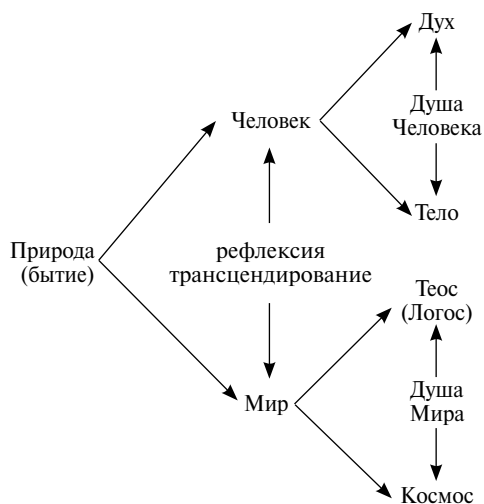

Рис. 4. Представление отношения «Человек—Мир» как диалектического противоречия

Попробуем теперь наглядно представить невырожденное первичное отношение «Человек—Мир» (рис. 4).

Здесь нет между Человеком и Миром опосредствующего, чуждого внутренней природе Человека внешнего звена — орудия. Примитивное внешнее орудие палеолита не входит в определяющий развитие Человека процесс его взаимодействия с Миром. В течение всего палеолита внешнее орудие остается практически неизменным. Реализация в конечных, эмпирических формах данной как потенция универсальности Человека осуществляется здесь не через орудия, а через рефлексию-трансцендирование — функцию, принадлежащую сущности его бесконечного, эквивалентного Миру Я.

Таким образом, здесь сохраняется непосредственность и не может возникнуть отчуждение. В отношении «Я—Ты» рефлексия делает предметом

себя самого (Я), а следовательно, и свою противоположность (Ты), заставляя сознание трансцендировать в положение вневходимости по отношению к «Я–Ты». Из положения вневходимости отношение «Я–Ты» является как «Человек–Мир». Таким образом, трансцендирование объединяет обе стороны этого первичного отношения – «Я–Ты» и «Человек–Мир», т.е. его религиозную и философскую ипостаси, которые теперь предстают осциллирующими, непрерывно переходящими друг в друга. Здесь Человек выступает не только как Микрокосмос, но и как Микротеос – Образ и Подобие Божества. Чувству подавленности пространственно-временной бесконечностью Космоса, ужасавшей когда-то Б. Паскаля, он может, как и Паскаль, противопоставить сознание, что его мысль способна включать в себя весь Космос, т.к. Микротеос в определенном отношении (важнейшем для Человека – духовном) «больше» Макрокосмоса (ср. Рубинштейн – о выходе Человека мыслью за пределы Мира). Как было сказано, Человеку, чтобы быть самим собой, нужно быть бесконечно больше себя, в том числе, не замыкаясь в наличном сознании, выходить в сверхсознание, в бесконечность отношения «Человек–Мир». Но «сознание переходит в сверхсознание, и раскрывается мир по ту сторону распада на субъект и объект» [9, с. 352, подчеркнуто мною – А.А.]. Отсюда, кстати, вытекает ограниченность всякого рода «космизмов»: Я самоопределяется как личностное не в отношении к Миру как к Космосу, но в отношении к нему как к Логосу.

Ключевые понятия отношения «Человек–Мир» выражаются в словах: «универсальность», «непосредственность», «бесконечность», «созерцание», «вечность», «духовность», «Тайна».

Человек, будучи бесконечно-конечным существом, нуждается в приобщении к актуальной бесконечности, но, вынужденный в наше время обитать и воспринимать себя и Мир в ограниченном пространстве «кольца», идет путем подмен, принимая конечные определенности за бесконечность: субъекта за личность, мораль за нравственность, гражданские права за свободу, отношение полезности за человеческое отношение и т.д., а у нас в России сначала Сталина – за харизматического лидера, а теперь капитализм – за человеческое общество.

Да и само «кольцо» является подменной бесконечного отношения «Человек–Мир» господством конечного – «Субъект–Объект».

В настоящее время фаза неолита заканчивается, обрушиваясь в безмерность, квазихаос «междуфазья» («квази» – т.к. он не первичный, которого так страшились древние греки, а «промежуточный», несущий в себе тенденцию к переходу в новую «постнеолитическую» фазу), некогда цветущее «кольцо» «усыхает», выдавливая прессом вешности из человека его духовное начало, вызывая судорожные попытки (включая употребление наркотиков) выйти из «кольца», ощутить себя свободным существом. Этот выход возможен в двух направлениях: расширения сознания в сторону духа как высшего начала духовно-телесной иерархии Человека (экстаз катарси-

ческий), ведущий к плеромической свободе, и погружение в зависимость от телесного начала (противоположно направленный экстаз без катарсиса), «прельщение», ведущее к «рабству у самого себя». Последнее принято теперь называть «дегуманизацией». Это, по-видимому, должно повести к резкой дивергенции, расщеплению человечества на часть, способную выйти из квазихаоса междуфаза к новой «постнеолитической» фазе существования, тем самым выйти из «кольца», из-под власти субъект-объектного отношения, господства вещиности, и часть, удел которой — ускоренно деградировать.

Возникновение христианства — начало конца неолита, Апокалипсис — символическое описание его завершения, после чего должно наступить «все новое». В наше время это новое стучится в дверь. Но большинство людей, будучи в рабстве у вещиности, «не видят и не слышат, живут в сем мире как впотьмах». Выход за пределы «кольца» требует глубокого самоизменения Человека, которое должно начаться с *изменения сознания*, за которым последует изменение всей психики, а далее, возможно, и сознательное направленное изменение физиологии. Являясь в своей универсальности эквивалентным Миру существом, Человек бесконечно пластичен, поэтому нет ничего невероятного в предположении некоторых мыслителей, например, об автотрофности Человека будущего и даже о «лучистом человечестве» К.Э. Циолковского.

Те «мудрецы и поэты, хранители тайны и веры», *сознание* которых уже вышло за пределы «кольца», являются

«предтечами» этого нового постнеолитического будущего. Они приоткрывают дверь и, идя при этом «против течения», против «прогресса» цивилизации, заглядывают в это возможное будущее. (Возможное в том случае, если человечество до него доживет.)

С.Л. Рубинштейн — один из тех, кто на наших глазах совершил подобный выход. В работе «Человек и мир» этот выход представлен *in statu nascendi*. Это и возможный путь выхода из кризиса в психологии. Настоящий очерк — еще одна попытка с применением наглядности, сравнений, аналогий, заостренных формулировок, образов «пробить брешь» в сознании психологов, «задеть» их эмоционально.

Что касается философии, она должна «опомниться» первой и подготавливать сознание к этому будущему, для чего сама должна радикально измениться (в соответствующих курсах лекций я назвал ее «постнеолитической»). Мне кажется, она должна обращаться к каждому человеку как к целостному существу, а не только к его рациональному мышлению. Флюс рационализма «окольцованной» философии должен быть преодолен. Для выражения своих смыслов она должна употреблять все доступные ей средства, включая образы, символы, схемы, аналогии, сравнения, поэтические ритмы и т.д.: «Определение *смысла* во всей глубине и сложности. Осмысление как открытие наличного путем узрения (созерцания) и прибавления путем творческого созидания. ... В какой мере можно раскрыть и прокомментировать *смысл* (образа или символа)? Только с помощью другого (изоморфного) смысла (симво-

ла или образа). Растворить его в понятиях невозможно» [7, с. 362].

Эта философия представляется мне «прогулкой» по границе рационального и нерационального, подводящей Человека к признанию бесконечной Тайны себя самого и Мира, к ощущению и осознанию, что это — одна и та же Тайна. В «постнеолитическом» будущем философия не должна быть профессиональной областью, т.к. размышление о себе и Мире, понимание своего места и предназначения в нем — свойство каждого нормального, не отчужденного человека (не субъекта, но личности). Понимание личности как высшей ценности, как индивида, обладающего бесконечной внутренней свободой и бесконечной же нравственной ответственностью (выраженной в совести, стоящей над законом и моралью), было заложено в первохристианстве и почти полностью «съедено» развитием западноевропейской цивилизации, «по инерции» продолжающей считать себя христианской.

Новая постнеолитическая философия, назначение которой — радикальное изменение сознания наибольшего возможного числа людей, должна, на мой взгляд, не столько учить (как справедливо заметил И. Кант, научить философии вообще невозможно), сколько «заражать» людей осознанием своего места и назначения в Мире, ощущением приобщения к бесконечности и Тайне. Кстати (замечание для психологов и педагогов!), нравственности (в отличие от морали) научить нельзя, ею можно, так же как и личностью, только «заразить». В наше катастрофическое время глобального кризиса нуж-

на «пандемия» «заразной» философии и «заразной» нравственности.

В природе Человека изначально заложена потребность в приобщении к бесконечности и Тайне. Но, «окольцованная», профессиональная философия не способна ее удовлетворить. Она должна стать дилетантской в нетривиальном смысле этого слова, «сняв» профессионализм и не утратив глубины (наиболее глубокие идеи просты). Тогда она может снова стать универсальной и отвечать потребности Человека как универсального существа.

К сожалению, тема и ограничение объема очерка не позволяют углубиться в свойства «окольцованного» сознания и обсудить мысли тех, кто эти свойства уже исследовал, хотя представление об этих свойствах именно сегодня кажется более чем необходимым, т.к. в какой-то степени будит сознание и помогает сделать предположения о возможном будущем, а следовательно, и о возможном пути выхода из современного глобального кризиса.

Введение образа инверсии позволило все же, как кажется, наглядно пояснить некоторые идеи и смыслы, изложение которых без этой наглядности потребовало бы многих страниц. Можно, по-видимому, в самой общей форме предположительно что-то сказать о будущем (только предположительно, т.к. — я здесь полностью согласен, например, с О. Шпенглером — всегда есть непредсказуемый момент, Судьба, Тайна — условие существования свободы. Современная наука пытается по-своему ввести в свой «обиход» Судьбу и Тайну, рассматривая неравновесные системы, диссипативные структуры и т.п., одна-

ко опять же во внечеловеческой вещной форме, в рамках «объективации»). Например, можно сказать, что Человек появляется как *Homo sapiens* – Человек мудрый (палеолит), в «кольце» он превращается в *Homo rationalis* – Человека разумного (неолит), а в конце неолита, в наше время – просто в упомянутого «человека массы». Пережить современный глобальный кризис, выйти в фазу «постнеолита» он может, только снова став мудрым – *Homo sapiens*. Можно также предположить, что леонтьевская «цветущая сложность» будет тогда обеспечиваться не разнокачественностью социальных страт и положений, а качественной уникальностью личностей и т.д. Та же ограниченность объема и темы не позволяет выйти в животрепещущую область взаимоотношения Запада, Востока и России, ограничившись ссылкой на упомянутую статью в «Континенте». И все же я не могу не сделать несколько замечаний о русской философии.

Философия обязана помогать обыденному сознанию приобрести утраченный им философский, то есть собственно человеческий характер, который был свойствен великой русской литературе и в какой-то степени сохранился в России как своеобразный «метафизический голод», который еще можно встретить, а также пробудить его в представителях самых разных слоев населения.

Этот «метафизический голод» способствует ощущению и видению будущего за пределами темного «провала междуфаэя», который тем глубже, чем радикальнее изменение (в древних мистериях посвящаемого заставляли пережить собственную «смерть»):

И вот, когда остался шаг,
Одно движение без мысли,
Когда казалось, что душа,
Себя поймет и мир осмыслит,
Когда глазам открылись дни
Грядущие, их легкий почерк,
Вдруг оказалось, что они
Отделены прослойкой ночи.

Александр Антонович

Именно способность видеть «дни грядущие» помогает преодолеть «прослойку ночи», не погрузиться в нее, деградируя как человек. Этому прозрению способствуют «предтечи», среди которых мы находим и С.Л. Рубинштейна.

Прообразом философии будущего мне представляется русская философия конца XIX – первой половины XX вв. с ее устремленностью в будущее, концентрацией на коренных, «последних вопросах» человеческого бытия, с ее глубокой и напряженной эмоциональностью, профессиональной незамкнутостью, пронизывающей литературу и публицистику, наконец, с ее чисто русским профетическим максимализмом. Она не отделяла себя от литературы и публицистики, являясь поистине «народной философией», соответствующей упомянутому «метафизическому голоду» русского человека.

Для подавляющего большинства представителей западной цивилизации, включая «советологов» (не знаю, как теперь их будут называть), русский человек остается вне возможностей их понимания («вмещения»). Газете «Известия» от 26 января 1994 г. дал интервью французский ученый-славист профессор Жорж Нива, озаглавив его так: «Писатель в России утратил венец

философа». В нем он, между прочим, говорит: «В XIX веке писатель заменял всех — он был философом, богословом, социологом, политиком и управлял умами во всех сферах. Теперь положение другое — есть профессиональные богословы, философы и т.д. Писатель в России утратил этот венец. На Западе же, в такой стране, как Франция, это случилось уже давно. Последним таким писателем — властителем дум — был Гюго. — Хорошо это или плохо? — Хорошо для страны — это признак выздоровления. Писатель не должен быть пророком, хотя последний и может быть писателем».

Если поверить Жоржу Нива, то комментарии нужно начать с сочувствия несчастной Франции. Его признание показывает, что духовная жизнь Франции, как и Запада в целом, утратила целостность и универсальность, подверглась механически-вещному разделению и дроблению, как, впрочем, духовная жизнь и других, «окольцованных» рыночной экономикой, стран. Когда «властителем дум» становятся деньги, В. Гюго уже нечего делать.

Что касается России, то Нива продемонстрировал практически почти общую неспособность западных «специалистов по России» (и не только специалистов) понять, что в ней не на эмпирическом, а на более глубоком, выходящем за пределы «кольца» уровне (а такой более глубокий уровень в России в целом еще сохранился) происходит. А о советских и современных русских писателях, поэтах, «бардах» заявление Нива — прямая ложь. «Метафизический голод», к счастью, еще

сохранился в русской литературе. Я бы мог привести сотни примеров этого, кроме «микроскопического» отрывка из Искандера; впрочем, читатель, не потерявший этот самый «голод», может сделать это и сам.

Согласно Ж. Нива, на Западе этот универсализм, в частности взаимный выход философии в литературу и литературы в философию, закончился в XIX веке. В этом случае, вероятно, можно считать одним из последних явлений подобного рода эссе О. Уайльда «Душа человека при социализме» (1891 г.). Это во многих отношениях замечательное эссе меня удивило: трудно было предположить, что рафинированный эстет, написавший «Портрет Дориана Грея» (впрочем, в этом произведении есть своя достаточно глубокая философия), мог написать такое. Центральное понятие эссе — индивидуализм, но индивидуализм, поднявшийся и утвердивший себя как личностный универсализм. Несколько цитат: «Социализм, коммунизм — называйте как угодно — благодаря превращению частной собственности в общественное достояние и выдвиганию кооперации взамен конкуренции возвращает общество к нормальному виду» [21, с. 346]. «Индивидуализм теперь повлекло по ложному пути. Теперь он не стремится к саморазвитию, он устремлен к выгоде. При этом внушается, будто самое главное — иметь, чтобы человек забыл, что самое главное — быть. *Истинное совершенство человека определяется не тем, что у него есть, но тем, что он собою представляет.* Частная собственность, разрушив истинный Индивидуализм, создала

взамен Индивидуализм мнимый (и, хочется добавить, согласно Марксу, “мнимую коллективность” — А.А.)» [21, с. 349]. «Мы увидим ее, истинную человеческую личность, и она будет необыкновенна. Она станет развиваться просто и естественно, как распускается цветок или растет дерево. В ней все гармонично. ... Она не станет ничего доказывать. ... Она обретет мудрость. Достоинства ее нельзя измерить материальными ценностями. И, не имея ничего, она все же возымеет все, и, сколько бы ни черпали от нее, ее не убудет, — так богата человеческая личность. Вечные вмешательства в дела ближних, стремление уподобить их себе — не для нее. Ближние станут дороги ей тем, что не схожи с нею. Однако, не вмешиваясь в жизнь других, она станет помогать им, как помогают нам прекрасные вещи простым существованием своим. Личность человека предстанет явлением воистину удивительным. Столь же удивительным, сколь и естество младенца» [21, с. 351]. «Что это, Утопия? Но если в мире она отсутствует, на такую карту мира не стоит и смотреть, потому что не увидим той земли, куда все время стремится Человечество» [21, с. 357].

Прошу читателя обратить внимание на похожесть языка приведенных цитат на язык «Человека и мира» и его непохожесть на язык «научной» психологии и философии. В XIX веке еще очень многие, не только мыслители и люди искусства — философы, писатели, поэты и т.д., но и просто образованные люди воспринимали наступление господства рыночной экономики как разрушающее человеческие ценности:

Век следует путем своим железным.
В сердцах — корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о том хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

Евгений Баратынский

Во времена Баратынского (по крайней мере, в России) открыто предаваться корысти и «пользе» было еще бесстыдством. Да и сейчас в России основная масса населения, мягко говоря, «не уважает» разъевшееся начальство и «новых русских», в то время как на Западе богатство уважаемо и почетно.

Обратим внимание, что цитированные авторы упоминают младенчество и ребячество. И в онтогенезе, и в филогенезе личности — это фазы, характеризующиеся прежде всего радостью непосредственного, целостного, не умерщвленного разлагающим анализом восприятия Мира, они не «окольцованы» и потому свободны, открыты бесконечности. У некоторых упомянутых «счастливых» это не фазы и отдельные редкие периоды и моменты, а состояния, сопровождающие всю их жизнь. Тяжелой, угрюмой поступи рынка и вешности так и не удается до конца заглушить полет их фантазии, «ребяческих снов» и творчества. Свободная легкость оказывается сильнее этой каменной поступи. У. Уитмен пребывал в этом «всепринимавшем» (как не сравнить с «всеединством» русской философии) состоянии всю жизнь.

Выше я сказал: «Если поверить Жоржу Нива», — потому что в действительности, к счастью для литературы

и будущей философии, все обстоит не совсем так, в том числе в его родной Франции. Здесь можно вспомнить, например, о французских экзистенциалистах, Ромене Роллане или Антуане де Сент-Экзюпери (хотя бы о его произведении «Военный летчик») и о многих других, не только французских, писателях и поэтах. Дело в том, что настоящие произведения искусства никогда не умещаются в «кольце», и если их авторы утратили венец властителей дум, то исключительно по причине потери интереса («метафизического голода») вещно-отчужденным «человеком массы» современной западной цивилизации к духовной стороне жизни, к своей собственной человеческой сущности. Пожалуй, глубокая философия в наше время в большей мере сохранилась в литературе, чем в самой профессиональной философии. О процессе этой потери, проникающем и в Россию, скорбит Баратынский в приведенном стихотворении. И эта потеря – свидетельство не «выздоровливания», а болезни, глубокой духовной деградации.

В этом кратком очерке пришлось, как видит читатель, выйти далеко за пределы личной судьбы Рубинштейна. Во-первых, ничего не поделаешь: философ должен «танцевать от печки» (от всеобщего, *ab ovo*); во-вторых, этот выход представляется мне важным именно сейчас; и, в-третьих, должен признаться, я не удержался от искушения высказать, хотя бы в двух словах, в печати свое понимание философии, которое более двадцати лет высказывал только устно в курсах лекций, докладах и т. п.

Заканчивая очерк, я увидел, что он получил налет пророческости. Я

не собирался пророчествовать, но мне кажется, что в наше время глобально-го кризиса философия и не может быть другой. Это не новость. Н.А. Бердяев, например, считал, что философия и должна быть пророческой. Полагая, что западная философия уклонилась от непосредственного своего предназначения – ориентировать Человека в Мире и его будущем, А. Швейцер называл это с ее стороны предательством.

4. Ирония судьбы

Возвращаясь к вопросу о личной судьбе Сергея Леонидовича Рубинштейна и его работы «Человек и мир», с чувством глубокого сожаления пишу эту часть очерка, ибо ирония судьбы С.Л. Рубинштейна такова, что приходится защищать его образ, личностный смысл его судьбы и значение его творчества от его собственных учеников, с которыми меня связывают товарищеские отношения и благодарность за подготовку и публикацию рукописи «Человек и мир».

Дело в том, что, полемизируя от имени «школы Рубинштейна» со «школой Выготского и Леонтьева», они представляют Рубинштейна не «нового», а «старого» – Рубинштейна до написания «Человека и мира», до «перелома» его творческой судьбы, представляют его позицию, от которой он столь решительно и **бесповоротно** отказался. Что касается самой работы «Человек и мир», то с помощью соответствующей селекции и экзегезы они пытаются представить ее как простое продолжение его прежней позиции, что облегчается противоречивостью самой работы. Обращая внимание на

эту противоречивость в своей статье (1987)^{***}, я объяснял ее тем, что мы застаем Рубинштейна в момент перехода (*in statu nascendi*), когда новое основание обретено, но все следствия из него еще не осознаны и потому еще смешаны в тексте со следствиями основания старого. Поэтому в работе присутствует множество исключаящих друг друга утверждений (часть из которых была в указанной статье приведена), что, на мой взгляд, составляет особую ценность и интерес работы, т.к. можно непосредственно сравнивать продуктивные возможности старого и нового оснований.

Употребляю здесь слово **бесповоротно**, потому что от нового **бесконечного** основания невозможно вернуться к **конечному** старому, как для бабочки, начавшей покидать куколку, вернуться в нее и вновь окуклиться. Начавшаяся метаморфоза необратима, вневременный (в созерцании) переход к Центру, сопряженный с выходом в область актуальной бесконечности, к новому основанию, совершился, и теперь окончательное освобождение от «шелухи» старого — вопрос времени. И необратимость эта в данном случае связана также и с тем, что предыдущая «фаза» была проработана и возможности ее исчерпаны. Поэтому Рубинштейн (вопреки утверждениям некоторых психологов, что он неявно критикует себя) не критикует себя «старого», а просто «снимает» прежнюю «фазу» как *целое*. Работа «Человек и мир» еще сохраняет в себе остатки старого, как бабочка,

появляясь из куколки, иногда сохраняет некоторое время на конце брюшка засохшую голову гусеницы.

Ученики Рубинштейна не желают замечать эту противоречивость, предпочитая наводить макияж на голову гусеницы, чтобы доказать, что Рубинштейн до конца жизни не изменился, причисывая его под материалиста, а иногда и под марксиста-ленинца в стиле советских учебников. Не буду утомлять читателя приведением для доказательства этого утверждения многочисленных цитат, тем более что за 24 года их накопилось на целую книгу. Для примера укажу лишь на некоторые. Так, по-прежнему Рубинштейну приписывается «принцип детерминизма», согласно которому в человеке внешние причины действуют через внутренние условия. «Макияж» в данном случае состоит в том, что, оказываясь, «условия»(!) составляют «основание развития» [13, с. 26]. Что в «Человеке и мире» Рубинштейн утверждает обратное отношение, об этом не говорится. Или, например: «Рубинштейн с 1917–1922 гг. и до конца жизни разрабатывал субъектно-деятельностный подход...» [13, с. 53]. Это — в многолетней полемике, кто первый изобрел пресловутый «деятельностный подход» — Выготский или Рубинштейн. В действительности, как показано выше, его «изобрела» новоевропейская цивилизация, т.к. в рамках господства субъект-объектного отношения другой подход к Миру и Человеку «не предусмотрен». Поэтому и гетевский Фауст провозгласил: «Вначале было дело» (сравни, читатель, с началом Евангелия от Иоанна), и сам великий Гете отрицал возможность

^{***} См. Методология и история психологии. 2007. Вып. 4. С. 100–156 (*Ред.*).

самопознания человека путем погружения в себя, рефлексии, хотя можно показать, что в *Начале* развития любой органической системы лежит рефлексивное движение внутрь (для человека – в форме созерцания), создающее ее устойчивое, способное сопротивляться внешним воздействиям ядро (у человека – личностное Я), что обеспечивает ее целостность в процессе дальнейшего трансцендирования вовне (деятельности). Поэтому так же «бессмысленно спорить, кто автор деятельностного подхода – С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский или А.Н. Леонтьев, ибо несомненно первенство С.Л. Рубинштейна в том, что он первым от этого подхода отказался» («Доклад»****).

Ученики Рубинштейна, превращая «деятельностный подход» в «субъектно-деятельностный» и полагая это достижением «школы Рубинштейна», во-первых, занимаются чистой тавтологией, поскольку деятельность в рамках субъект-объектного отношения уже предполагает своего субъекта, «бессубъектной» деятельности в этих рамках не существует; во-вторых, не выходят из области вещного отчуждения, где разговор о личности просто невозможен. Между тем А.В. Брушлинский пишет: «Таким образом, субъектный (в частности субъектно-деятельностный) подход направляет исследование на изучение целостности человека» [13, с. 100]. На самом деле, «субъектный подход» может направлять на изучение лишь частичного, «привязанного» конечно-определенным отношением к

объекту индивида «кольца», т.е. именно на субъекта, но ни в коем случае не на Человека как бесконечно-конечного, как личность.

В порядке демонстрации общности подобных тавтологий в научном мышлении отметим, что в подобную, и даже еще более банальную, тавтологию впадают современные космологи, когда пытаются ввести человека в современную обесчеловеченную научную картину Вселенной с помощью так называемого «антропного принципа», согласно которому Вселенная приспособлена к человеку, т.к. основные ее физические параметры («постоянные») строго соответствуют условиям, в которых может существовать человек: «Вселенная такова, потому что таков Человек». Но в силу отмеченной выше взаимоопределяемости можно сказать: «Человек таков, потому что такова Вселенная». Оба эти утверждения в паре образуют сверхбанальную тавтологию, которая выдается за «достижение» науки. И эту банальность не могут устранить никакие сверххитроумные логические и математические построения, поскольку она лежит в их *основании*. Т.Г. Гексли когда-то заметил У. Томсону, что математика – это жернов, который мелет все, что под него сыпят. Но, засыпав мякину, едва ли можно ожидать пшеничной муки. (И вообще не может быть истинной космологии без антропологии, так же как и антропологии без космологии, но их единство должно быть *изначальным*, а не синтезом уже разделившегося в области «кольца».) Впрочем, психологи, претендующие на научность психологии, могут с помощью этого примера

**** См. публикацию доклада в настоящем номере журнала, с. 109–114 (Ред.).

утешать себя похожестью психологии на современную науку.

Это – общая ограниченность ноевропейского рационализма, его «здорового смысла» и науки, подчеркивая которую в упомянутой статье в «Континенте», я, несколько, может быть, заостренно, написал: «... Можно сказать, что даже научные открытия, которые будут сделаны в будущем, уже принадлежат прошлому» [4, с. 160], в смысле их принадлежности разрушающемуся, уходящему в прошлое вместе с эпохой неолита «кольцу».

Ученики Рубинштейна в многочисленных книгах, статьях, сборниках, докладах и т. п., посвященных творческому пути и судьбе учителя, говоря о превратностях и случайных частностях его судьбы, умудряются не заметить самого главного: полностью изменяющего мировоззрение, радикального и в своей глубине *закономерного* (Рубинштейн в нем не одинок) переворота, связанного с пониманием *Человека* в его *бесконечном непосредственном* соотношении с *Миром как с Логосом*, в котором только и может формироваться Человек как личность (в соотношении с Миром только как с Космосом личность не формируется). Поневоле вспомнишь крыловское: «Слона-то я и не приметил». За 24 года ученики, к сожалению, не только не пытались заглянуть в открытую учителем дверь, но всячески старались ее замаскировать, сделать вид, что ее не существует. В статье «К истории союза психологии и философии» К.А. Абульханова и А.Н. Славская [1] снова пытаются представить путь Рубинштейна как «гладкий» с некоторыми «прираще-

ниями», в число которых на этот раз, наконец-то, попадает и созерцание: «В 50-х годах к двум формам активности субъекта – познавательной и деятельностной – Рубинштейн добавляет (подчеркнуто мной – А.А.) в работе «Человек и мир» третью – созерцательное отношение субъекта к миру, которая трудно понимаема в рамках прагматической трактовки деятельности» [19, с. 168]. Перебирая превратности и перипетии судьбы Рубинштейна, каких только научных заслуг не приписывает ему статья, однако также без «слона», без решающего поворотного пункта в его судьбе и мировоззрении. В статье также впервые за 24 года отмечается, что Рубинштейн «писал в рукописи “Человека и мира” раздел, естественно, не вошедший в ее напечатанный в 1973 г. текст – “Мой выход за пределы марксизма”» [19, с. 168]. Что этот выход виден совершенно ясно при чтении части рукописи, опубликованной в 1973 году (о чем я непрерывно напоминал), не говорится ни слова.

Возвращая внимание читателя к началу очерка, хочу заметить, что мог бы вопрос, заданный А.В. Брушлинским В.М. Розину, задать от своего имени самому Брушлинскому: почему в течение всех этих лет не идет полемика с моим представлением о творческом пути и судьбе С.Л. Рубинштейна? Почему его ученики делают вид, что этого представления просто не существует? Вопрос, впрочем, чисто риторический, т.к. ответ на него известен: в силу их философской неподготовленности и общей узости «окольцованного» сознания, что, впрочем, не их вина, а их беда. Я глубоко благодарен К.А. Абульханов-

вой за громадный труд по подготовке к печати и публикации работы «Человек и мир», но не могу не заметить, что ее философские тексты воспринимаются мной как пример упомянутого выше «вербального псевдопонимания».

Не могу отделаться от образа: Рубинштейн с позиции нового бесконечного основания смотрел на себя прежнего, как «души смотрят с высоты на ими брошенное тело». «Прогрессисты» вместе с прогрессом следуют к уготованной им участи, не замечая «брошенного тела». Ученики гальванизируют это тело, подмалевывают его и выставляют этот кадавр в качестве живого Рубинштейна, требуя с ним полемики. Тогда «прогрессисты» презрительно пинают его ногой и продолжают свой путь. И они имеют на это право, предоставленное им учениками. Таким образом, «ученики» (думаю, что уже пора брать это слово в кавычки) и «прогрессисты», входя в состав «армии кольца», помогают друг другу в искажении образа Рубинштейна, вышедшего за границы «кольца» на бесконечные просторы Человека как личности. Их сознание просто не может «вместить» масштаб того, что произошло с Рубинштейном. Они не могут ни почувствовать, ни представить «дыхание бесконечности». Можно отметить, что «ученики» просто избегают таких ключевых слов, как «бесконечность», «универсальность», «трансцендирование» и т.п., которыми буквально «пестрит» «Человек и мир».

Я не хочу, чтобы «прогрессисты» с помощью «учеников» Рубинштейна имели право его пинать. И не только из моей личной к нему приязни. Мне кажется, что мы должны особенно бе-

режно относиться к каждому примеру выхода из «кольца», поскольку каждый такой пример может помочь изменить наше собственное сознание, подготавливая его к будущему. Кроме того, мое упорство в защите памяти Рубинштейна и восстановлении его действительного образа и судьбы объясняется еще и тем, что я до сих пор не вижу в этом деле соратников. И потому — «если не я, то кто же?»

Работа «Человек и мир» вызывает мой повышенный интерес в частности тем, что в ней я вижу автора в самом процессе «расчистки авгиевых конюшен» после радикальной смены основания. Он еще полностью рационально не осмыслил, что с ним спонтанно, интуитивно произошло. Новое основание, развернутое им во второй части работы, могло быть им получено только раньше и независимо от ее первой части. Поэтому критика различных философских учений в первой части работы проводится им с позиции нового, еще не полностью осознанного, основания, изложенного во второй. Между тем первая часть служит у него «оправданием» второй, как будто вторая может быть следствием первой. Так же для меня остается неясным, осознал ли Рубинштейн, что он вышел в сферу, связанную с религией, что непосредственное отношение «Человек—Мир» является основанием не только философии и психологии, но впервые и возникает как религиозное, определяя начало антропогенеза.

Но вся эта незавершенность насколько не умаляет значения того, что сделал С.Л. Рубинштейн для философии и психологии сегодня, выйдя к

основным проблемам человеческого бытия, понимание которых есть один из возможных путей выхода из современного глобального кризиса. По сравнению с масштабом и актуальностью этих проблем, кажется «не стоящей выеденного яйца» упомянутая в начале очерка дискуссия [16] и, в частности, основной предмет ее спора: должна ли психология следовать «естественно-научной парадигме» или «гуманитарной». Во-первых, и Человек, и Мир несут в себе бесконечность, а все «парадигмы» конечны, и потому не могут определять собой ни психологию, ни философию. Во-вторых, заниматься в наше время обсуждением подобных вопросов, как и «плетением» логических, категориальных и прочих «кружев», на мой взгляд, все равно, что сдувать пылинки с мебели, когда в доме пожар, продолжая тем самым упомянутое А. Швейцером предательство.

Выше говорилось, что философия должна быть «заразительной», для чего она должна быть образно и эмоционально насыщенной. По содержанию проблем, связанных с коренными «последними вопросами» человеческого бытия, с бесконечностью Человека и Мира, по образности, эмоциональному тону и оптимистическому пафосу работа «Человек и мир» способна «заражать», но, к сожалению, «ученики» и «научная» психология в целом обладают достаточно сильным «иммунитетом кольца», чтобы противодействовать этому «заражению». И то, что «ученики», будучи в течение десятков лет знакомы с работой «Человек и мир», причисляли С.Л. Рубинштейна под марксиста-ленинца, объясняется не

только внешним давлением соответствующей идеологии, но и гораздо более глубокими внутренними причинами — самоотождествлением с сознанием и образом мышления современной «окольцованной», отчужденной от Человека и Мира, находящейся в агонии цивилизации. В этом смысле «школа Рубинштейна», «школа Выготского» и прочие школы «научной» (вернее, старающейся быть научной — «научно-образной») психологии — «близнецы-братья». Поэтому смысл дискуссии «учеников» Рубинштейна со «школой Выготского» и «прогрессистами» может быть выражен пословицей: «Милые бранятся — только тешатся».

В заключение хочется сказать, что я далек от того, чтобы отрицать существование реальных процессов, изучаемых современной «научной» психологией, или утверждать, что все ее идеи плохи. Просто эти идеи ограничены и не могут быть отнесены к Человеку как целостному, а следовательно, и к личности, т.к. основание Человека и личности (нравственности в том числе) лежит в области актуальной бесконечности, за пределами конечных определенностей «кольца». Эта область — область отношения «Человек—Мир» — и должна быть обеспечивающим целостность *Началом* размышлений и представлений о Человеке. Например: существует ли гальперинский процесс «интериоризации»? Конечно, существует! Но он занимает маргинальное положение среди факторов, определяющих развитие личности. И понимание того, какое именно положение он занимает, каков его смысл, определяется его отношением к упомянутому *Началу*.

То же можно сказать о культурности, образованности, правосознании, гражданских «свободах», демократии и многих других «ценностях» современной цивилизации. Они «окольцованы» и имеют действительную личностную ценность лишь будучи рассматриваемы как средства выхода из «кольца», т.е. под углом зрения их «снятия». В противном случае они оказываются средствами порабощения Человека, очередной *подменой*, принимающей конечные определенности за бесконечность, частичность за целостность. С этой точки зрения, неграмотный русский крестьянин (особенно допетровской эпохи), верующий в Бога и любящий царя-батюшку, — в большей степени личность, чем вещно-отчужденный современный «человек массы», имеющий высшее образование и живущий в демократическом обществе, ибо восприятие Мира крестьянином более непосредственно, целостно, глубоко и полно, чем восприятие Мира беспокойным, «раздерганным» и располусованным «несчастливым сознанием» частичного «человека массы».

Обязанность философии (и психологии!) сегодня — помочь увидеть «дни грядущие» и, осветив «прослойку ночи», освободить человека от различных форм рабства — «прельщений» [8], — не только от прельщений властью, деньгами, славой, алкоголем, наркотиками, сексом, рок-музыкой (формой «душевного» наркотика) и т. п., но и от прельщения наукой, историей, культурой (явно просвечивающего в работах многих современных «культурологов») и т.д., оставив его сознание свободным для восприятия бесконечности и при-

общения к Тайне себя самого и Мира. Для этого философия обязана показать истинную иерархию собственно человеческих ценностей, не позволяющую Человеку самоотжеститься с любым из «прельщений», любой конечной определенностью, ставящую Человека по отношению к ним в положение вне-находимости.

Что касается «синтеза» психологии и философии, который «ученики» приписывают Рубинштейну, то в современном состоянии той и другой этот синтез просто невозможен [3]. Однако я не думаю, что в будущем религия, философия и психология будут существовать в их отделенности друг от друга. Невозможно соединение этих уже разделившихся и специализировавшихся в условиях «кольца» сторон, но возможно их иерархическое органическое единство внутри **бесконечного Целого** (при условии их радикального преобразования, **определяемого** этим **Цельм как Началом**), **Основанием** которого, мне кажется, может быть отношение, представленное в объективированной форме как **«Человек—Мир»**, в личностной — как **«Я—Ты»**.

Март 1997

P.S. Настоящее дополнение вызвано тем, что уже после написания своей статьи я познакомился с книгой О. Бредихиной «Русское мировоззрение: восстановимы ли традиции?» [12]. Глава IV книги названа «С.Л. Рубинштейн как представитель русского органического мировоззрения». В ней автор представляет свое понимание творческой судьбы Рубинштейна. Не касаясь книги в целом, я считаю себя обязанным выра-

зять свое отношение к позиции О. Бредихиной по данному вопросу.

Автор пытается представить Рубинштейна как продолжателя единой и непрерывной русской философской традиции, куда попадает русская религиозная философия, марксизм-ленинизм и С.Л. Рубинштейн. При этом автор концентрирует внимание на работе Рубинштейна «Бытие и сознание» как наследующей принципы русской философии, ни слова не говоря о решительном и бесповоротном отказе самого Рубинштейна от принципа, лежащего в основании этой работы. Только после перехода к новому основанию — «Человек—Мир» — вместо старого — «Субъект—Объект» — началась поразительная конвергенция идей Рубинштейна с идеями русских мыслителей. Весь смысл конвергенции в том и состоит, что начала сходящихся путей независимы друг от друга и лишь в процессе их развития, когда происходит их освобождение от конечно-определенных культурно-исторических «накладок», выясняется тенденция глубинного схождения их смыслов, «притяжение» к некоторой общей точке бесконечного будущего. Мы имеем здесь дело со случаем детерминации будущим, телеологией, а не с филиацией идей и их развитием, то есть не с детерминацией прошлым.

С.Л. Рубинштейн — не продолжатель русской философии Серебряного века (как полагает О. Бредихина), тем более в работах, написанных до «Человека и мира», до внутреннего переворота. Просто с ним произошел «фазовый переход», и он вышел в то же духовное пространство, куда в свое время вышла

и русская философия (а также многие другие мыслители, философы и не-философы, русские и западные; например, М.М. Бахтин пребывал в этом пространстве уже с 1920-х гг.), но **не опираясь на нее**. Он пережил **свой собственный, личный** духовный переворот, параллельный пережитому русскими мыслителями. Никакой преемственности идей здесь не было. Была конвергенция.

Он даже не успел в этой области «осмотреться». Он в ней «новенький», неопит. Поэтому он здесь еще никого не знает. Если бы было не так, он не мог бы пройти мимо (а он прошел!) поразительного сходства, конвергенции своих **новых для него** идей с идеями «насельников» этой области, разработавшими эти идеи ранее и более глубоко. Сходства, порой, текстуального. В противном случае его пришлось бы считать просто плагиатором, с чем я никак не могу согласиться.

Поэтому ему и потребовалось писать первую часть «Человека и мира», в которой он пытался проделать работу, давно и глубоко проделанную другими, в частности наиболее полно — русскими философами.

Таким образом, Рубинштейн проделал свой «переход» «в одиночку» (что произошло и со мной и заставило меня заинтересоваться Рубинштейном и описать **свой** переход в статье 1987 года, чтобы пояснить читателю, почему я «увидел» произошедшее с Рубинштейном), если исключить, что все мы погружены в единое поле не проявленных смыслов, где время от времени встречаемся и конвергируем. Условие «прорыва» в это поле — обре-

тение нового **бесконечного** Основания. Оно же, это Основание, — критерий отбора из исторически накопленного знания «вечного» и отделения его от исторически преходящего. «Вечное» позволяет выйти за границы «кольца» в «пространство», где кончается господство раздробления и дивергенции и начинается господство конвергенции.

Ноябрь 1997

Примечания

Необходимость этих примечаний вызвана тем, что статья, будучи полемической, привязанной даже своим заголовком к определенному времени, «залежалась» в редакции «Вопросов философии».

1. О времени написания и публикации статьи

Статья была написана в марте 1997 года. Она была сдана в редакцию «Вопросов философии» в мае 1997 года, а опубликована 11-м номере за 1998 год. За время «выдерживания» статьи в редакции «Вопросов философии» в декабре 1997 года работа Рубинштейна «Человек и мир» была опубликована отдельным изданием без купюр с сопроводительной статьей К.А. Абульхановой-Славской и А.Н. Славской «Судьба ученого, судьба его последней книги», написанной с тех же позиций, что и прежние статьи «учеников», без упоминания моего представления о судьбе Рубинштейна.

2. О работе «Человек и мир», изданной без купюр [19]

Прекрасно, что эта работа, наконец, была полностью опубликована. Ознакомившись с ней, я увидел, что моя залежавшаяся статья не требует

какого-либо изменения: мои предположения, за исключением некоторых деталей, оправдались. Например, я убедился, что Рубинштейн действительно не был знаком с русской философией. Об этом говорит ряд его рассуждений и употребление им некоторых понятий, в частности понятия «соборность», которое он рассматривает как проявление тоталитаризма. К выражению «классовой идеологии внутри науки» он относит, перечисляя через запятую, «католицизм», «соборность», «государство» [19, с. 102]. В русской философии, начиная с А.С. Хомякова, развивалось ключевое для нее понятие «соборность» в противоположном и очень глубоком, связанном с личностным духовным общением смысле.

Вместе с тем некоторые соображения Рубинштейна, касающиеся, например, раздела «Этика и политика», стоило бы критически обсудить. Особенно это относится к его пониманию К. Маркса и марксизма. Несмотря на ряд глубоких и интересных идей, относящихся к этой теме, он все же остался в какой-то степени под влиянием марксизма, хотя и не марксизма-ленинизма учебников (за пределы которых не удалось выйти ни А.Н. Леонтьеву, ни Л.С. Выготскому). Здесь мы также застаем С.Л. Рубинштейна в начальной стадии освоения и понимания бесконечной области, в которую он вышел. Упомянутые русские философы совершили этот выход на пятьдесят лет раньше, гораздо более полно и глубоко, что не снижает значения сделанного Рубинштейном в современных, исключительно тяжелых условиях для сегодняшних психологии и философии.

Было бы очень поучительно критически проследить за глубокой и интересной мыслью Рубинштейна, блуждающей в этой области, но для этого потребовалось бы проследить соответствующую эволюцию и идей К. Маркса, попытавшись отделить в них вечное от временного. Мне, например, кажется, что идея К. Маркса о Человеке как непосредственно родовом существе остается ориентиром на будущее. Некоторые глубокие идеи К. Маркса остались не замеченными или не понятыми Рубинштейном. Например, он пишет: «В определенном, Марксом выделенном понимании общественных явлений, человек выступает в конечном счете в качестве представителя класса, общественной категории, в качестве “общественной маски”» [19, с. 104]. Между тем Маркс специально подчеркивал отличие общения индивидов как таковых (как личностей) от общения их как членов класса. Подобных несправедливых упреков в адрес К. Маркса у него довольно много. И тем не менее, как я уже говорил, главное, на мой взгляд, состоит не в непоследовательности Рубинштейна, а в том, что он сделал то, с чего можно было начинать радикально новое — *решающий шаг к новому бесконечному основанию*.

Литература

1. Абульханова К.А., Славская А.Н. К истории союза психологии и философии // Вопросы философии. 1996. № 5.
2. Арсеньев А.С. Логика органических систем и психология. Философские тезисы с психологическим комментарием. М., 1977 (рукопись).
3. Арсеньев А.С. Мышление психолога и проблема личности: Расширенные тезисы доклада, прочитанного в НИИ ОПП в 1980 г. // Культура, традиции, образование: Ежегодник. М., 1990.
4. Арсеньев А.С. Глобальный кризис современности и Россия // Континент. 1992. № 3 (73).
5. Арсеньев А.С. Размышления о работе С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» // Вопросы философии. 1993. № 5.
6. Арсеньев А.С. Подросток глазами философа. Алматы, 1996.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
8. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939.
9. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
10. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994.
11. Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., 1973.
12. Бредихина О.Н. Русское мировоззрение: восстановимы ли традиции? Мурманск, 1997.
13. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
14. Искандер Ф. Человек и его окрестности. М., 1995.
15. Палиевский П.В. Литература и теория. М., 1979.
16. Психология и новые идеалы научности (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 3–43.
17. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976.
18. Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник: 1992. М., 1994.
19. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
20. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2002.
21. Уайльд О. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1993.